

Tanaka Katsuhiko. "Sutaarin-gengogaku"—seidoku. Tokyo, Iwanami-shoten, 2000. 293 p.

Танака Кацухико – известный японский лингвист, почетный профессор университета Хитоцубаси в Токио, автор ряда книг по монголистике, социолингвистике и истории языкознания. Его новая книга «Внимательное чтение "сталинского языкознания"» (автор дает и собственный русский перевод ее названия, не вполне соответствующий японскому оригиналу: «Новое прочтение брошюры И.В. Сталина "Марксизм и вопросы языкознания"») специально посвящена анализу высказываний И.В. Сталина по вопросам языка и языкознания, сделанных в разные годы. Автор указывает, что в отличие от других марксистов Сталина можно считать лингвистом, хотя он и не обращался специально к данным вопросам до 1950 г. (с. 1). Цель книги – рассмотреть историческое раз-

витие сталинских идей, посвященных языку. и сопоставить эти идеи с развитием мирового языкознания (с. 4–5). Подчеркивается, что эта проблема исследована слабо, хотя брошюра "Марксизм и вопросы языкознания" оказала важное влияние на развитие науки о языке не только в СССР, но и в ряде других стран, включая Японию. Авторы западных работ о Сталине, в частности, И. Дойчер, уделяют этой брошюре мало внимания (с. 42–43), а в СССР и современной России о ней вспоминали лишь в связи с содержащейся в ней критикой учения Н.Я. Марра (К. Танака упоминает изданные в 1991 г. книги М.В. Горбаневского и В.М. Алпатова), но никто не изучал место этой публикации Сталина в истории советской идеологии (с. 42).

К. Танака посвящает первую главу своей книги (с. 8–63) ранним работам И.В. Сталина, как-то затрагивавшим проблемы языка, прежде всего брошюру 1913 г. "Марксизм и национальный вопрос"; в связи с этим рассматривается эволюция взглядов на нацию и язык в марксистской литературе.

К. Танака подчеркивает, что в Европе Нового времени господствовала точка зрения, согласно которой множество народов и языков – лишь помеха, а при развитии цивилизации их различия должны постепенно отмирать; такой подход основывался, в частности, на представлении о том, что язык – лишь оболочка мысли, а одни языки (языки культурных народов) лучше соответствуют универсальной логике, чем другие; культурные языки выполняют цивилизаторскую роль и имеют шансы на сохранение в будущем, а "некультурные" языки, а также диалекты должны исчезнуть. Такая точка зрения, связанная с европоцентризмом, вызывает решительное несогласие автора книги. В связи с этим любопытно такое его замечание: французский язык долго считался в Европе "языком логики", хотя с точки зрения японца французский порядок слов неестествен (с. 15).

Как показывает К. Танака, марксизм – часть европейской мысли XIX века – сохранял такой подход. Он напоминает в этой связи о высказываниях Ф. Энгельса о "народов с историей" и "народов без истории", о его трактовке шотландцев, чехов и южных славян как "реакционных" народов, обреченных на ассимиляцию и исчезновение в ходе исторического прогресса. К. Танака подчеркивает, что у К. Маркса и Ф. Энгельса ничего не говорилось о самоопределении наций. Ситуация стала несколько меняться лишь в самом конце XIX в., когда деятели II Интернационала начали говорить о национальном, в том числе и о национально-языковом вопросе. Однако и тогда, по мнению автора книги, европейские марксисты смотрели на эти проблемы глазами "цивилизованных народов", обсуждая национальный вопрос в странах Европы, но не для "некультурных народов" (с. 24–26).

Однако именно идеи социалистов времен II Интернационала стали основным источником идей брошюры И.В. Сталина "Марксизм и национальный вопрос". К. Танака рассматривает полемику среди австрийских и немецких марксистов в начале XX в., прежде всего между О. Бауэром и К. Каутским, убедительно показывая, что статья К. Каутского "Национальность и интернациональность", изданная в 1908 г. и вскоре переведенная на русский язык, стала идейной осно-

вой как работы Сталина, так и всей советской языковой политики, хотя сам К. Каутский после 1918 г. считался "ренегатом" (с. 33–35).

К. Танака в то же время подчеркивает, что Сталин смотрел на национальный вопрос иначе, чем классики марксизма: для него он был частью колониального вопроса, вопроса самоопределения эксплуатируемых народов Азии, Африки и России; именно поэтому столь важное место занимает в его брошюре проблема права наций на самоопределение (с. 26–27). Само по себе это верно. Однако вряд ли стоит противопоставлять Сталина современным ему западным социалистам, тем более что здесь же говорится о влиянии на него идей Каутского. Также не стоит здесь противопоставлять взгляды И.В. Сталина и В.И. Ленина, сохранявшего лозунг сближения и слияния наций (с. 10). К. Каутский, В.И. Ленин и И.В. Сталин с разной степенью детальности выражали более или менее единую точку зрения, согласно которой в эпоху капитализма прежде всего необходима борьба за национальные права, в том числе языковые, а после победы социализма нации и языки начнут сближаться и сливаться. К. Танака безусловно сочувственно оценивает идеи сталинской брошюры 1913 г., особо подчеркивая высказывания о необходимости обучения на родном языке, свободного развития психических способностей наций и др. (с. 62).

Вторая глава (с. 66–105) посвящена высказываниям Сталина по вопросам языка в 20-е гг., в целом соответствовавшим идеям, высказанным им до революции. Подчеркиваются высказывания об увеличении, а не уменьшении числа языков в СССР по сравнению с царской Россией, о необходимости равноправия языков, развития всех языков и др. К. Танака указывает, что в отличие от основателей марксизма Сталин отказался от деления языков на большие и малые, на культурные и некультурные. Особо выделена известная формулировка о «национальной по форме, пролетарской (в более позднем варианте самого Сталина – "социалистической") по содержанию» культуре. Показано, что эта формулировка по происхождению – просто перевод высказывания К. Каутского (с. 100). Автор книги излагает все эти высказывания с большим сочувствием, а лозунг о "национальной по форме" культуре назван "впечатляющим". Он отмечает резкое изменение национально-языковой политики в СССР с 30-х гг., но все же указывает на то, что лозунг права на самоопределение хотя бы формально сохранялся во всех со-

ветских конституциях, но отсутствует в современной конституции России (с. 82–83). В связи с этим, видимо, не случайны выступления К. Танака в Бурятии, о которых были сообщения в печати ("Независимая газета", 22 февраля 2000 г.); он призывал бурят отказаться от русского языка и объединиться с Монголией. Из сталинских идей можно сделать и такие выводы!

В то же время К. Танака отмечает проявившиеся уже тогда противоречия в высказываниях Сталина. С одной стороны, он спорил с идеями К. Каутского о формировании единого мирового языка (или нескольких мировых языков по числу больших культурных ареалов) после социалистической революции; по мнению К. Танака, споря с Каутским, Сталин фактически полемизировал с Ф. Энгельсом (с. 72). С другой стороны, в 1930 г. Сталин вопреки своим же заявлениям об увеличении числа языков при социализме провозгласил неизбежность появления единого всемирного языка, хотя и отнес его к далекому будущему.

Как отмечает автор книги, в 30–40-е гг. Сталин почти не высказывался по национальным и языковым проблемам (с. 104–105). Но в 1950 г. появилась работа "Марксизм и вопросы языкознания", анализу которой посвящена третья, самая большая глава книги (с. 108–182). Параллельно с ее анализом дается краткий очерк развития советской науки о языке до 1950 г., прежде всего марксизма.

Если ранние высказывания И.В. Сталина по национально-языковым проблемам оцениваются в книге положительно, то оценка брошюры 1950 г. совершенно иная. Автор приходит к выводу, что она совершенно не оправдывает ожиданий читателя, интересующегося проблемами общественного функционирования языка: в ней провозглашается "возвращение к посредственной, традиционной науке" (с. 132). Вопреки высказанному ранее мнению о том, что Сталина можно считать лингвистом, К. Танака пишет о том, что брошюра недостаточно лингвистична, более касаясь проблематики смежных с языкознанием наук (с. 131).

Оценка Н.Я. Марра в книге основана прежде всего на изданных в Японии воспоминаниях Н. Поппе [Рорре 1990]. Признается фантастичность многих марровских идей; сказано, например, что марристская семантика превращалась в некую "игру для посвященных" (с. 166–167). Но подчеркиваются как большой талант Н.Я. Марра и оригинальность многих его идей, так и важное научное значение многих исследований ученых марристского лагеря, занимавшихся

проблемами "язык и мышление", "язык и общество". Особенно высоко оценивается работа [Абаев 1934]; много говорится об идеях И.И. Мещанинова, в некоторых отношениях, по мнению автора, предвосхитивших идеи Н. Хомского (с. 158). Вся эта деятельность, как подчеркивает К. Танака (с. 147), была перечеркнута после выступления Сталина, и советское языкознание перестало заниматься проблемами языка и общества, языка и идеологии.

К. Танака выражает несогласие с идеями Сталина, отрицавшего принадлежность языка к надстройке и классовость языка. Он указывает на ошибочность утверждения Сталина о том, что революция не изменяет язык, ссылаясь на работы П. Лафарга о языке Французской революции и исследования А.М. Селищева и Н.М. Каринского об изменениях в русском языке после 1917 г. (с. 145–147). Но главное, отказ от надстроечности языка ведет, согласно автору книги, к отрыву языка от культуры, которую И.В. Сталин всецело относил к надстройке. А это означает возвращение к идеям XIX в., когда язык считался лишь оболочкой для мысли. В ответе Сталина Е.А. Крашенинниковой К. Танака усматривает игнорирование семантики, составляющей главную суть языка (с. 160–167).

Идеи сталинской брошюры сопоставляются в книге с идеями мировой науки того времени. К. Танака считает, что отрыв языка от культуры, от идеологии, игнорирование семантики у Сталина были параллельны аналогичным тенденциям в американском дескриптивизме (с. 166), в концепциях американского этнолога А.Л. Крёбера (с. 287–288) и др. В то же время исследования связей между языком и общественными процессами шли не только в СССР до 1950 г. К. Танака вспоминает К. Фосслера (с. 145), а также указывает, что как раз в те годы, когда ими перестали заниматься в СССР, эти проблемы оказались в центре внимания ученых ФРГ, чутко реагировавших на раскол немецкого языка в двух Германиях (с. 147–149).

К. Танака не все отвергает в брошюре Сталина, отмечая, в частности, что в ней сохраняются прежние формулировки того же автора и в противоречие с описанной нами выше тенденцией подчеркивается языковая форма культуры (с. 99). Но идея о свободном развитии языков не вполне согласуется с подробно изложенной в брошюре традиционной схемой языкового развития, в соответствии с которой одни языки выходят победителями, а другие исчезают. К. Танака указывает, что эта схема взята Сталиным из традиционного языкознания, но в то же вре-

мя, по его мнению, Сталин во многом писал свою брошюру ради данного тезиса (с. 177). По-видимому, автор книги имеет в виду, что Сталину нужно было обосновать прямо не формулируемую в его брошюре идею о постепенном вытеснении русским языком других языков народов СССР. Подробно рассматривая высказывания Сталина разных лет, К. Танака лишь вскользь говорит о причинах столь резкого изменения позиции руководителя страны, замечая, что тот до 30-х гг. говорил об освобождении языков, а потом поставил задачу "общего языка" для СССР, которым мог стать только русский (с. 172).

По вопросу о будущем всемирном языке К. Танака справедливо отмечает противоречие между принятой Сталиным традиционной схемой развития языков и его же высказываниями о будущем языке, который не будет "ни великорусским, ни немецким" (это противоречие еще в 1950 г. заметил читатель А. Холопов). К. Танака указывает, что в отношении языка коммунистического общества Сталин сохраняет традиционную марксистскую точку зрения, от которой он отказался в других вопросах (с. 180–181).

Далее в книге идет текст брошюры И.В. Сталина на японском языке (с. 184–245); за основу взят не раз публиковавшийся перевод, кое-где исправленный автором книги. К. Танака в другом месте указывает, что брошюра "Марксизм и вопросы языкознания" сразу после появления была переведена на ряд языков, включая японский, но предыдущим известным ему изданием является немецкое, вышедшее в 1972 г. (с. 122–123). В связи с этим отметим, что и на языке оригинала брошюра с начала 50-х годов не переиздавалась почти полвека.

Последняя глава книги (с. 248–282) называется "Сталинское языкознание и Япония". Отмечено, что в 1950 г. появление брошюры стало сенсацией в Японии (как и во многих других странах) сразу по двум причинам. Во-первых, в Японии давно существует мощная традиция левого движения и марксистской мысли, особенно сильная в первое послевоенное десятилетие. Во-вторых, даже на ученых иных взглядов произвел впечатление тот факт, что глава крупного государства выступил по проблемам языкознания (К. Танака несколько раз в книге подчеркивает беспрецедентность такого события). Работа Сталина немедленно была переведена, ей посвящались специальные выпуски журналов, по ней проводились научные конференции. К. Танака даже считает, что наметившийся в Японии в 50-е гг. и наблюдающийся до сих пор "лингвистический бум"

начался не без влияния событий 1950 г. (с. 249). На появление работы Сталина откликнулись такие крупные ученые, как Кобаяси Хидэо, автор первого не только в Японии, но и в мире перевода "Курса" Ф. де Соссюра (1928 г.), известный компаративист Мураяма Ситиро, вскоре издавший книгу о советском языкознании, и др. Все они оценили брошюру положительно, отметив как шаг вперед отказ от марризма. Более сдержанной была оценка самого влиятельного в те годы в Японии лингвиста Токиэда Мотоки, отрывки из сочинений которого имеются и в русском переводе [Токиэда 1983]. М. Токиэда, указав на актуальность проблем, поднятых Сталиным, и на важность их обсуждения для разработки языковой политики в Японии, посчитал работу Сталина слишком политизированной и в то же время отрывающей изучение языка от изучения культуры и общества; он также защищал классовость языка, аргументируя это, например, тем, что язык знаменитых японских памятников начала XI в. "Повесть о Гэндзи" и "Записки у изголовья" – не "общенародный", а язык придворных салонов. М. Токиэда находил сходство идей Сталина с идеями Ф. де Соссюра, с которыми он постоянно спорил. К. Танака считает статью М. Токиэда лучшим разбором сталинской брошюры в Японии (с. 260) и во многом следует в своей книге ее идеям. По его мнению, работы Сталина и его японских последователей (Курахара Корэхито и др.) во многом заложили основы послевоенного японского лингвистического консерватизма (с. 275).

В заключении (с. 283–290) К. Танака ставит вопрос о значении работы Сталина 1950 г. По его мнению, советское языкознание 20–40-х гг., тесно связанное с более ранними идеями Сталина по национальному вопросу, во многом отошло от ортодоксального марксизма в сторону изучения многообразия языков, связанного с многообразием культур. Однако Сталин провозгласил неэффективность марксизма в языкознании и поражение советского языкознания (с. 284). Вспоминая работу [Абаев 1934]. К. Танака пишет, что Сталин перестал считать язык идеологией и свел его лишь к "технике" (с. 289–290). По его мнению, Сталин, отделив язык от надстройки, то есть культуры, объявил о конце идеологии, признав поражение марксизма и советской идеологии в целом (с. 284–285, 290). Именно в этом он видит значение сталинской брошюры.

Несомненно, автор книги игнорирует многие проблемы, связанные с марризмом и борьбой против него. Лишь вскользь он.

ссылаясь на Н. Понпе, упоминает о погростах в языкознании, устроенных марристами. Вскользь говорится и о фантастике марровских концепций, об отрицании марристами целых отраслей науки о языке, прежде всего компаративистики. А выступление Сталина, как к нему ни относиться, способствовало преодолению ущерба, нанесенного советскому языкознанию марризмом. Но К. Танака прав, говоря о прекращении в СССР после 1950 г. изучения многих проблем, связанных с общественным функционированием языка (впрочем, многие из них на деле перестали исследоваться еще с 30-х гг.). Справедливо указывая на то, что язык – важнейшая часть культуры, К. Танака склонен относить к "посредственной, традиционной науке" всю лингвистику, отвлекающуюся от культуры и идеологии, то есть то, что Ф. де Соссюр называл "внутренней лингвистикой" (пренебрежение к ней характерно для многих японских языковедов начиная с М. Токиэда). Однако структурный этап развития науки о языке был закономерен и необходим. А брошюра Сталина появилась именно в это время. Пусть сам Сталин ориентировался не на структурализм, а на предшествующий ему этап языкознания, но в обоих этапах было нечто общее (ср. "абстрактный объективизм" у В.Н. Волюшинова). Сейчас это – уже прошлое, но нельзя им пренебрегать.

В книге немало неточностей и поверхностных оценок. Например, прекращение издания собрания сочинений И.В. Сталина К. Танака объясняет выступлением Н.С. Хрущева в 1956 г. (с. 122), хотя оно произошло раньше, сразу после смерти Сталина. Автор известной книги о языке фашистской Германии В. Клемперер отнесен к ученым ФРГ (с. 147), хотя он жил и умер в ГДР. К. Танака справедливо отмечает, что в советском законодательстве под влиянием дореволюционных высказываний В.И. Ленина избегали термина "государственный язык"; однако неверно, что так было до самого распада СССР (с. 172): в конституциях Грузинской, Азербайджанской и Ар-

мянской ССР этот термин использовался многие десятилетия, а в самом конце существования СССР он появился и в общесоюзном Законе о языках, принятом в апреле 1990 г. Оценивая советскую лингвистику, К. Танака слишком ориентируется на интересные, но достаточно субъективные воспоминания Н. Понпе. Особенно это заметно в излишне негативной оценке Е.Д. Поливанова (с. 118–119).

Со многим в книге можно спорить, многое в ней не отражено. Тем не менее ряд ее положений заслуживает внимания. Формулировка о признании Сталиным "поражения идеологии" – преувеличение, но К. Танака прав, говоря о том, что брошюра по сути провозгласила деидеологизацию языкознания и что после нее закончилось марксистское и советское (не в географическом или национальном, а в идеологическом смысле) языкознание. Речь, конечно, здесь не может идти о марксистской социолингвистике, существующей и по сей день, правда, более на Западе и в той же Японии, чем у нас. Отказ от признания языка надстройкой и его сопоставление с машинами и железными дорогами у Сталина закономерно выводили язык за пределы идеологии и культуры. Из этого однако не следует, что последующая лингвистика в СССР была лишь "посредственной, традиционной наукой", как это получается в книге.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев В.И.* 1934 – Язык как идеология и язык как техника // Язык и мышление. Вып. 2. М.; Л., 1934.
- Токиэда Мотоки* 1983 – Основы японского языкознания (фрагменты). Современный язык и современное языковое существование // Языкознание в Японии. М., 1983.
- Porpe N.* 1990 – Kaisooroku. Tokyo, 1990.

В.М. Алпатов

Книга известного лингвиста вышла с опозданием более чем в пять лет. Издание книги было приостановлено, набор рассыпан из-за технических трудностей, связанных с воспроизведением диалектных словообразовательных карт. После трагического ухода Ю.С. Азарх ее друзья и коллеги из отдела диалектологии и лингвистической географии Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН приложили немало усилий для того, чтобы монография Юлии Семеновны увидела свет.

Публикация рецензируемого труда даже на фоне ощутимого прогресса в области исследований русской словообразовательной системы как теоретического (см., например [Улуханов 1996]), так и конкретного характера, в частности исследований, связанных с описанием русской словообразовательной картины мира (см., например [Вендина 1998]), – выдающееся событие в научной жизни. Книга Ю.С. Азарх – существенный вклад не только в русское диалектное словообразование, но шире – в историю и теорию русского словообразования.

Ю.С. Азарх может быть причислена к наиболее видным представителям диалектологической школы Р.И. Аванесова. Ею написаны многочисленные, в том числе и капитальные труды (см., например [Азарх 1984]). Можно без преувеличения сказать, что в области русского диалектного словообразования Ю.С. Азарх – самый крупный специалист, и данная книга представляет собой, несомненно, очень интересную и наиболее масштабную работу, из когда-либо предпринимавшихся в этой сфере лингвистики.

В работе впервые подвергнут сравнительному исследованию – для выявления фрагментов русской диалектной словообразовательной картины мира – огромный фактический материал, который проанализирован в соответствии со строгой методикой, разработанной самим автором. На основании сопоставления многочисленных рядов ареальных словообразовательных и лексических корреспонденций Ю.С. Азарх еще более четко высвечивает границы принятого в русистике диалектного членения русского языка [Захарова, Орлова 1970]. Тем самым восполняется существенный пробел: при разработке проблемы диалектного членения русского языка данные словообразования почти не привлекались.

Монография Ю.С. Азарх по своей сути является новаторской. Построенная на

диалектным материале, чрезвычайно специфичном в силу ряда особенностей (неоднородности, поливариативности, насыщенности новыми для исследователя и в ряде случаев неизвестными ранее науке фактами, динамичности), она, вместе с тем, изобилует историческими экскурсами, сделанными рукой опытного мастера. Автор демонстрирует, что может дать практически диахрония синхронии, как она помогает осмыслить современное состояние в реализации словообразовательных моделей. С другой стороны, синхронные данные служат ориентиром для установления ареалов возникновения разных моделей словообразования.

Особую ценность составляют словообразовательные карты, представленные в каждом из разделов монографии. Автор демонстрирует с возможной полнотой "географические" условия функционирования тех или иных словообразовательных моделей, картографируя явления, до сих пор не картографировавшиеся. В работе показано соотношение разных видов моделирования, их частичное переплетение в пограничных зонах. Следует заметить, что словообразовательные карты – явление, еще мало распространенное в лингвистической географии. Тем большую ценность приобретает картографическое представление материала, осуществленного Ю.С. Азарх. Обращает на себя внимание строгость и четкость в выборе системы графических средств. Карты монографии, построенные в соответствии с принципом синхронной подачи словообразовательных диалектных различий, предоставляют возможность для диахронического изучения отраженных здесь явлений в их развитии. Автор справедливо подчеркивает: "Величина и конфигурация ареала могут быть косвенным свидетельством не только исторической продуктивности той или иной модели ЛСГ (лексико-семантической группы. – С.И.), но и ее активности в синхронии..." (с. 10).

Книга состоит из введения, трех разделов и заключения. Как отмечается во введении, начальным стимулом для предпринятого автором диахронно-синхронного исследования послужил тот факт, что "принципы научного описания словообразования в лексико-семантическом плане от значения к производному слову недостаточно разработаны" (с. 4).

Автор отмечает все еще слабую изученность словообразования в номинации, необходимость выделения и исследования

лексико-семантических групп и тематических классов, отражающих языковую картину мира. Замечу, впрочем, что принцип моделирования на основе семантики как исходного положения, в сущности, не нов (см. [Степанова 1975; Weisgerber 1971]). Он получил некоторое распространение в работах русских лингвистов с начала 70-х годов¹. Однако соотношение избранных автором семантических категорий (наименования лиц, названия частей сельскохозяйственных орудий, полей после уборки урожая, ягод, однородного множества растущих деревьев и др.) и выражающих их средств, а также весь круг сопутствующих исследовательских задач впервые исчерпывающе подробно на диалектном материале представлены в работе Ю.С. Азарх.

Говоря о задачах исследования, четко сформулированных автором, нельзя не отметить их широкий диапазон: 1) описание различий в словообразовании ряда функционирующих в русских говорах, исконных для них и давно сложившихся лексико-семантических групп (ЛСГ); 2) восстановление по данным лингвогеографии истории формирования моделей производных членов ЛСГ; 3) определение ареалов словообразовательных моделей ЛСГ; 4) исследование отношений между лексическими и словообразовательными ареалами в пределах ЛСГ; 5) характеристика продуктивных и непродуктивных ареалов в лексике и словообразовании; 6) группировка русских говоров по данным именного словообразования (с. 4).

Столь широкий спектр исследовательских задач не может не направить автора на решение ряда теоретических проблем, связанных со словообразованием как таковым. Формулировки и замечания теоретического характера, щедро разбросанные по всей работе, занимают существенное место уже во введении. Так, важными представляются дефиниции понятий "словообразовательный тип" (СТ) и "словообразовательная модель" (СМ). Автор справедливо утверждает, что словообразовательные модели "представляют собой образцы, по которым воспроизводятся или образуются вновь слова с определенной семантикой"², а словообразова-

тельные типы, рассматривающиеся до сих пор в научных описаниях как синонимичные, в реальности "представлены дериватами с неоднородной лексической семантикой" (с. 5).

В качестве объекта исследования избраны лексико-семантические группы (ЛСГ), состоящие из производных слов, связанных друг с другом регулярными парадигматическими отношениями и представленные на картах или в материалах Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ) и Общеславянского лингвистического атласа (ОЛА).

Автор справедливо полагает (и блистательно доказывает это на своем материале), что анализ словообразования ЛСГ позволяет выявить не только общие закономерности, присущие словообразовательной системе русского языка, но и специфические для говоров словообразовательные средства, словообразовательные модели, деривационные процессы и отношения. Нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что уже во введении четко показаны в обобщенном виде диалектные различия в словообразовании лексико-семантических групп. Автор выделяет девять существенных признаков, на основе которых могут противопоставляться производные члены одной ЛСГ (с. 7). Важно, что Ю.С. Азарх выводит определенные закономерности в акцентной противопоставленности дериватов разных моделей, оформленных суффиксами однотипной структуры (с. 8).

В разделе "Словообразование лексико-семантических групп" (с. 12-142) рассмотрены мутационные, модификационные и транспозиционные словообразовательные типы. Необходимо отметить, что Ю.С. Азарх дает пространные, но точные определения каждого из словообразовательных типов.

Предложенные автором дефиниции и теоретические обоснования своего видения проблем, связанных с каждым из словообразовательных типов, являются результатом многолетних разысканий автора в этой области лингвистики, разработок внушительного по объему конкретного диалектного и исторического материала (см., например [Азарх 1961; 1965; 1977; 1979а; 1979б; 1983; 1988; 1989 и др.]).

это стабильная структура, обладающая обобщенным лексико-категориальным значением и способная наполняться разным лексическим материалом (т.е. разными лексическими основами)" [Степанова 1968: 149].

¹ Отдельные семантические категории, выраженные наборами суффиксов, выявлены уже в Грамматике-70. Исследование славянского литературного материала на этой основе было осуществлено Т.И. Вендиной [Вендина 1990].

² Ср. определение словообразовательной модели, данное в монографии М.Д. Степановой: "...словообразовательная модель —

Позволю себе пространное цитирование этих собранных по крупницам, "выстраданных" и четко сформулированных наблюдений. Вот что пишет Ю.С. Азарх о мутационных словообразовательных типах: «При мутации между членами словообразовательной пары устанавливаются отношения семантического пересечения: производное "наследует" часть сем производящего, определяющих лексическую мотивацию деривата. Обобщенное мутационное СЗ (словообразовательное значение. – С.И.) существительных – 'носитель признака, названного производящей основой'. Характер признака – процессуального, качественного или предметного – определяется категориальным грамматическим значением производящего. ...Мутант в момент рождения слова представляет собой семантический конденсат словосочетания или предложения, стержневое слово которых представлено его производящим... Для слов с мутационным СЗ характерна идиоматизация лексического значения. Это связано не только с широтой данного типа словообразовательного значения, указывающего на отношение производного к тому, что названо производящей основой, но и с тем, что мутант может мотивироваться практически любым ЛСВ производящего, иметь как непосредственную, так и опосредованную мотивацию при отношении семантического пересечения между членами словообразовательной пары. В рамках мутационного СЗ между обозначаемыми членами словообразовательной пары могут быть выражены как реальные, так и воображаемые связи и отношения при тождестве словообразовательной структуры, производного...» (с. 12–13). Такое детализированное и емкое описание словообразовательной мутации, как кажется, представлено впервые.

В разделе "Дериваты мужского рода со значением лица" рассмотрены два типа наименований лиц – функциональный и характеризующий.

Автор выделяет 15 моделей наименований лиц по функциональному признаку в лингвогеографическом аспекте (образования с суф. *-(е)ц* типа *косец*; с суф. *-ар'* – *косарь*, *копяр*, *бочкарь*, *печкарь* 'печник', *секарь* 'косец'; с суф. *-чик/-щик* и *-'щик* – *дровщик* 'заготовитель дров', *кинщик* 'киномеханик', *закупщик*, *почтальонщик*; *-ник* – *дегтярник*, *кожевник*, *колесник*, *посыльщик*, *рыболовник*; *-ач* – *ковач* 'кузнец', *копач* 'земледелец', *орач* 'пахарь'; *-ак* – *едак* 'ездок', *лежак* 'лежебока', *плясак* 'плясун'; *-тель* – *доказатель* 'свидетель',

помогатель, *ругатель*, *укрыватель*; *-ит* – *наимит*, *тяжобит* 'сутьяжник', *молодбит*, *севбит*; *-атай* – оборонатай 'защитник', *послухатай* 'свидетель', *провождатай*, *помогатай*; *-ан* – *баян* 'чародей, волшебник', *молочан* 'молотильщик', *торгован* 'купец'; *-л(о)-* – *боронил* 'боронильщик', *метало* 'мечет невод'; *-аль* – *копаль*, *грабаль* (сена), *ткаль*, *коваль*; *-яга* – *бороняга* 'боронильщик', *молотяга* 'молотильщик', *бродяга* и др.). Каждая из выделенных словообразовательных моделей рассматривается с разных точек зрения: словопроизводственной базы, происхождения, продуктивности в разные периоды истории языка, ареале распространения в современных говорах, соотношении с однокоренными синонимичными образованиями и т.п. (с. 14–26).

Столь же подробно и информативно рассмотрена в монографии номинация лиц по характеризующему признаку (с. 26–39). Заслуживает внимания заключающий эту часть работы вывод о том, что тенденция к специализации формантов у номинаций лиц по функциональному и характеризующему признакам последовательно проявляется у продуктивных словообразовательных типов. Насыщено тонкими наблюдениями описание слов общего рода (с. 39–48). В частности, весьма важными представляются данные о согласовании (по мужскому или женскому роду) слов типа *воевода*, *слуга*, *голова* в разные периоды истории языка и в современных говорах.

Детально описана лексическая группа названий рукоятей орудий (с. 48–60). Данные лингвогеографии, аккумулированные в этой части работы, позволяют автору выделить диахронические пласты в словообразовании описываемой ЛСГ: 1) праславянские модели десубстантивов на *-ье* и *-ище* от видовых названий орудий ручного труда и субстантивы с суф. *-н-/-ьн-, н'/--ьнј-* от девербативов на *-ло*, мотивированных отыменными глаголами, производными от видовых названий орудий; 2) восточнославянские деадъективы на *-ье*, *-ище*, *-ло*, конфиксы на *-ье* типа *окосье*, десубстантивы на *-ина* – дублиеты производящих слов; 3) формирующиеся в старорусский период образования на *-ник*, *-лка* от видовых названий орудий, конфиксы на *-ник* и *-ина*, номинации с корнем *-держ-* (с. 59–60).

Не менее впечатляющим представляется описание названия полей, с которых собран урожай (с. 60–84). Ю.С. Азарх выделяет два подраздела – общие названия сжатого поля и видовые названия полей, с которых собран

деривации модификатов определяет и достаточно четкое территориальное распределение синонимичных модификационных словообразовательных типов ...Диалектные различия у модификационных словообразовательных типов выражены прежде всего в формантной их части, в словообразовательных средствах..." (с. 93–94).

Это многословное цитирование опять-таки обусловлено тем обстоятельством, что модификационные значения, выражаемые суффиксами существительных и подкрепленные обширным диалектным материалом, до сих пор не рассматривались столь подробно.

В разделе "Существительные со значением женскости" (с. 95–113) рассмотрены различные модели модификатов и исследованы различия в их функционировании и территориальном распределении (образования на *-ка* – *любителька*, *свидетелька*, *докторка*, *анжинерка*, *бригадирка*, *почтальонка*, *швейка* и под., на *-иха* – *избачиха*, *почтариха*, *пастушиха*, *ткачиха*, *врачиха*, *докториха*, *медвежиха*, *волчиныха*, *зайчиныха*, *кузнециха*, *белиха*, *толстих*, *надсади*х *‘сварливая баба’*, *барс*иха, *лос*иха, *боров*иха; на *-уха* – *старуха*, *большуха*, *брехуха*, *врух*, *игрух*, *говорух*; на *-ица* – *докторица*, *лекарица*, *нытица*, *лукавица*, *хитрица*, *на́дница*, *гусиница*, *гусица*; на *-ина* – *мона́шина*, *фельдшерина*, *племянина*, *сво́ячина*; на *-ея* – *игре́я* *‘песенница’*, *жнея*, *ткеля*, *течеля* *‘ткачиха’*; на *-иша* – *агрономиша*, *бригадириша*, *капитаниша* и новообразования типа *учильиша* и под.).

Ю.С. Азарх, основываясь на материалах древне- и старорусских текстов, устанавливает хронологические границы возникновения образований со значением женскости в их соотношении с дериватами муж. рода.

Подраздел о первичных деминутивах (с. 115–123) открывается описанием процесса деминутивации, свойственного русским говорам. Обращено внимание на то обстоятельство, что в лингвистике почти не исследован вопрос о различиях в функционировании первичных деминутивов в русских говорах. Подчеркнута регулярность деминутивов в функциях сингулятивов, обычно в отрицательных конструкциях: *картопочки не было* и под.

Подраздел об именах со значением незрелости (с. 123–129) предваряется описанием ряда особенностей, характерных для этого круга слов: 1) обязательное наличие семы *‘малый’*; 2) обязательное наличие семы *‘принадлежность’*, выраженной как у

праславянских, так и у русских инноваций (регулярных моделей) суффиксом *-ен-*, входящим в состав сложных формантов; 3) использование суффиксов, не являющихся формальным показателем грамматического рода – мужского или женского. Подчеркнуто, что на всем протяжении истории русского языка выделяется две подгруппы этой ЛСГ – образования со связанным корнем и лексическим значением незрелости, выраженным корнем, и модификаты от имен с несвязанным корнем (в отличие от первой, архаичной, закрытой, вторая является открытой семантико-словообразовательной группой). Особый интерес для историков языка представляет обзор функционирования этой категории слов в древне- и старорусской письменности. Автор полагает, что к XV–XVI вв. у образований с несвязанным корнем появляется трехчленная оппозиция типа *гусь/гуси* – *гусенок/гусенки* – *гусята*, а у дериватов со связанным корнем – двухчленная типа *теленки/теленки* – *телята*. На стыке ареалов этих двух моделей засвидетельствованы инновации типа *гусятенок/гусятёнки*.

Небольшой подраздел о названиях однородного множества растущих деревьев (с. 129–134) связан с практически закрытой ЛСГ (это названия зарослей, рощ, леса, состоящих из деревьев и кустарников в основном одного вида или однородных по одному из признаков – *‘молодой’/‘старый’*, *‘редкий’/‘густой’*, *‘здоровый’/‘больной’*, *‘высокий’/‘низкий’*, *‘крупный’/‘мелкий’* или назначению – *пригодный/непригодный* для изготовления бревен, досок, изделий из дерева. Представлены подробные данные о функционировании образований типа *дубье*, *ельня*, *поросль*, *кедрач*, *ельник* в истории русского языка и современных говорах.

Часть монографии, посвященная модификационным словообразовательным типам, завершается разделом о сингулятивах (с. 134–136). Автор выделяет четыре признака, характерных для этой словообразовательной категории: 1) единичность; 2) нерасчлененность; 3) выделенность из совокупности предметов или массы вещества; 4) определенность, т.е. соотношенность с конкретным лицом или предметом. Автор исследует сингулятивы с суффиксом *-ин(а)*, который не изменяет лексического значения производного и в то же время имеет функцию, аналогичную определенному артиклю. В работе подчеркнуто, что сингулятивы во мн. числе – как в древне- и старорусских памятниках, так и в современных говорах – обычно употребляются в

сочетании с количественными числительными (тем самым нивелируя противоречие между значением нерасчлененной единичности у сингулятивов и значением расчлененной множественности у словоформ мн. числа). Отмечается формирование в некоторых говорах новой модели сингулятивов с удвоением суффикса – таких, как *дровѣнна*, *малинина*, *облачѣнна*, а также экспрессивов на *-инка* – *частоколинка*, *травинка*, *зернинка* и под. Следует отметить, что каждая из моделей, рассмотренных автором, точно локализована.

Раздел о транспозиционных словообразовательных типах, как и предыдущие, содержит ряд теоретических обобщений (с. 137–142), важных для исследований в области русского словообразования. Автор констатирует: «При транспозиции производящее и производное находятся в отношениях "нулевой оппозиции"... Члены словообразовательной пары при этом типе семантического соотношения равнозначны друг другу хотя бы в одном из своих лексико-семантических вариантов. Широта категориального значения предметности, с одной стороны, и постоянство связей в речи действия/состояния с их субъектом и объектом, а качества – с его носителем, с другой стороны, обуславливают регулярность представления процессуального и качественного признаков в форме существительного. Таковы имена действия/состояния и имена качества... Синтаксические дериваты, или транспозиты, отличаются от своих производящих частеречной принадлежностью. Имена действия/состояния, наследуя лексическую сочетаемость и актантные значения производящих глаголов, утрачивают в своей семантике их грамматическое значение: вид, время, наклонение, залог, лицо...».

Автор исследует функционирование и характер варьирования в разных ареалах имен действия/состояния с суффиксами *-нье*, *-ка*, *-ѳ*, *-отня*, *-отень*, *-ота*, *-ость* и др., а также демонстрирует диалектные различия в составе имен действия. Особо отмечены транспозиты с дополнительным модификационным значением.

Особенности организации отдельных подсистем словообразования в различных ареалах диалектного языка, представленные с возможной полнотой в их вариативности, позволяют автору перейти к описанию путей формирования словообразовательных ареалов различных словообразовательных типов на русской диалектной территории.

Проанализированные в предшествующих

разделах материалы, собранные воедино, дают возможность вывести определенные закономерности в установлении системы корреспондентий лексических и словообразовательных ареалов, рассмотреть типичные расширяющиеся и сужающиеся лексические ареалы, выделив при этом систему релевантных признаков, и приложить понятия расширения/сужения к ареалам словообразовательным. Для расширяющихся и сужающихся словообразовательных ареалов также выделены соответствующие наборы признаков (с. 143–157).

Заключительный раздел "Диалектное членение русского языка и диалектное распределение словообразовательных моделей" (с. 158–164) демонстрирует, насколько существенны данные словообразования для уточнения группировки русских говоров.

Автор предлагает ряд дополнений к диалектному членению русского языка К.Ф. Захаровой и В.Г. Орловой. В материалах, приведенных в работе для разных диалектных зон, учтены различные словообразовательные модели. Рецензируемая монография свидетельствует о том, что при всей калейдоскопичности и кажущейся бессистемности словообразовательные данные могут служить надежным основанием для установления границ в языковом пространстве.

В компактном заключении (с. 165–167) четко изложены результаты рецензируемого труда. Автор постулирует необходимость – из-за изменчивости лексических и словообразовательных ареалов – повторных периодических обследований одних и тех же частных диалектных систем в зоне иррадиации этих ареалов по Программам ДАРЯ и ОЛА.

Итак, преодолевая многочисленные объективные трудности, с которыми неизбежно сталкивается исследователь диалектной словообразовательной проблематики (аморфность материала, его неравномерность и т.п.), тонкий знаток русского диалектного словообразования, Ю.С. Азарх, создает фундаментальное, оригинальное, тщательно выполненное исследование. Постулирование на проанализированных данных некоторых закономерностей в соотношении лексических и словообразовательных ареалов заметно продвигает работу по созданию полной русской диалектной словообразовательной картины мира. К сказанному следует добавить, что завершает труд внушительный список литературы, включающий все имеющие отношение к освещаемой проблематике труды, и столь же внушительный список источников.

Существенное место в работе занимает материал, собранный самим автором в полевых условиях.

Рецензируемая книга с ее методикой исследования и глубокими интерпретациями диалектных и исторических фактов может служить отправной точкой для подобных штудий. Несомненно, работа Ю.С. Азарх будет стимулировать дальнейшие разработки в этом направлении. Хочется надеяться, что эта книга еще более активизирует работу по собиранию ценного и столь быстро исчезающего лингвистического материала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азарх Ю.С. 1961 – Существительные женского рода с суффиксом *-ядь* в русском языке // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. 2. М., 1961.
- Азарх Ю.С. 1965 – Словообразование существительных женского рода с нулевой флексией в именительном падеже единственного числа (на материале письменных памятников русского языка с XI в. и данных диалектологии). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1965.
- Азарх Ю.С. 1977 – К истории собирательных типа *братья*, *зверьё* в русском языке // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1975. М., 1977.
- Азарх Ю.С. 1979а – К истории словообразовательных типов названий детенышей и детей в русском языке // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1977. М., 1979.
- Азарх Ю.С. 1979б – Слова на *-иха* в русском языке // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1977. М., 1979.
- Азарх Ю.С. 1983 – Существительные на *-а* с экспрессивными суффиксами типа "глас-

ный задненебный согласный" в русских говорах // Русские народные говоры: Лингвогеографические исследования. М., 1983.

- Азарх Ю.С. 1984 – Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М., 1984.
- Азарх Ю.С. 1988 – К истории слов общего рода в русском языке // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1984. М., 1988.
- Азарх Ю.С. 1989 – Отражение на лингвогеографических картах некоторых особенностей словообразования // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1985–1987. М., 1989.
- Боброва Т.А. 1990 – Ягодные наименования на *-ик(а)* в русском литературном языке // Исследования по исторической грамматике и лексикологии. М., 1990.
- Вендина Т.И. 1990 – Дифференциация славянских языков по данным словообразования. М., 1990.
- Вендина Т.И. 1998 – Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М., 1998.
- Грамматика-70 – Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
- Захарова К.Ф., Орлова В.Г. 1970 – Диалектное членение русского языка. М., 1970.
- Степанова М.Д. 1968 – Методы синхронного анализа лексики. М., 1968.
- Степанова М.Д. 1975 – Вопросы моделирования в словообразовании и условия реализации моделей // ВЯ. М., 1975. № 2.
- Улуханов И.С. 1996 – Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996.
- Weisgerber L. 1971 – Die geistige Seite der Sprache und ihre Erforschung. Düsseldorf, 1971.

С.И. Иорданиди